

Нурлана Ашыр кызы Нагиева⁴⁰

---

⁴⁰ доц. кафедры теории и практики перевода Бакинский славянский университет. nurlananagiyeva09@gmail.com

АЗЕРБАЙДЖАНСКАЯ КЛАССИКА НА РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Проблема передачи азербайджанской классической литературы в русских переводах остается серьезной проблемой. Дело в том, что сегодня во всем мире существует некоторый усредненный литературно-художественный язык. Сегодня во всем мире одни и те же литературные мэтры, одни и те же кумиры, которым подражают, у которых учатся. Перенимают образы и штампы. Сегодня азербайджанские писатели, пишущие на азербайджанском языке, рассуждают об эстетических ценностях Борхеса и Маркеса, Ионеско и Беккета, Кафки и Камю. Сегодня Восток и Запад не разграничены диаметрально. Все это до определенной степени облегчает деятельность и задачи переводчиков. Они могут находить соответствия, переводя художественные тексты с западных языков на восточные, и наоборот.

Совсем иначе обстоит дело с нашими азербайджанскими классиками. В текстах, созданных азербайджанскими мастерами художественного слова в конце XIX - начале XX века, четко прослеживается литературная традиция, восходящая к Корану, арабским поэтам, персидской литературе и азербайджанским классикам. Именно это и усложняет перевод нашей классической прозы на русский язык. Как сохранить дух этой прозы? Вот основная задача, стоящая перед переводчиком независимо от степени владения им языками.

При этом именно устойчивые словесные комплексы (в дальнейшем УСК) составляют основную трудность для перевода. Будучи языковыми штампами, они не допускают варьирования при субституции, что предполагает использование всех ресурсов языка перевода.

Язык великого азербайджанского писателя Джалила Мамедкулизаде представляет собой удивительный пример отмеченной нами выше особенности. Всесторонне образованный человек, Дж. Мамедкулизаде знал иностранные языки и был в курсе всех стилистических и эстетических новшеств эпохи. Одновременно это был мастер, воспитанный в лучших традициях великой восточной, арабо-персо-тюркской литературы. Наконец, третий фактор, непосредственно сказывающийся в русских переводах Дж. Мамедкулизаде, это сам азербайджанский язык его времени, т.е. конца XIX - начала XX века. Можно даже выделить и четвертый фактор, усложняющий переводы этого писателя на русский язык. Это стиль или, что не одно и то же, стилизация. Нередко Дж. Мамедкулизаде нарочито стилизует язык своего повествования или язык своих героев под некоторое подобие ученого арабо-персидского письма. Что-то наподобие турецкой речи азербайджанского редактора газеты из комедии У. Гаджибекова «Не та, так эта».

УСК в произведениях Дж. Мамедкулизаде в указанном аспекте выполняют очень сложную лексико-семантическую и фразеологическую функцию. В оригинале, т.е. произведениях азербайджанского писателя они создают удивительную плавность и естественность языка, аккумулируя все богатство его выразительных средств. Язык его рассказов ничем не отличается от обычной разговорной речи азербайджанцев того времени. Поэтому, помимо всех иных литературных и языковых достоинств, он просто доставляет читателю огромное эстетическое наслаждение. Можно сказать, что это уже исчезнувший язык, но очень красивый и выразительный, в котором все средства плана выражения и плана содержания органически сочетаются. Но, разумеется, именно это и составляет особую сложность при переводе. Переводчикам очень сложно сохранять впечатление этой органической сочетаемости всех лексико-семантических и фразеологических средств, этой гармонии языка в переводе. В этом случае им необходимо обнаруживать не просто адекватность отдельных, изолированных языковых средств, а строить адекватность всей системы художественного текста. Следует также напомнить, что произведения Дж. Мамедкулизаде на русский язык переводились много. В данной статье мы будем анализировать перевод рассказа «Почт гугусу», выполненный Азизом Шарифом.

Следует еще раз напомнить, что УСК нельзя смешивать ни с фразеологизмом, ни с паремиологическими единицами. Понятие УСК шире и понятия «фразеологизм» и понятия «поговорка», оно включает в себя эти понятия, но помимо них, еще и все штампы, экспрессивно-эмоциональные узуальные лексические сочетаемости, а также авторские окказионализмы подобного типа.

«*Noyabr ayının 12-si idi*» (1). «Было двенадцатое ноября» (2).

Очевидно различие в строении этих предложений. Но при этом важно учитывать, что это различие не связано с различием в грамматическом строе русского и азербайджанского языков. Ведь и по-русски это предложение могло бы звучать следующим образом: «Был двенадцатый день месяца ноябрь». Различие грамматических строев русского и азербайджанского языков проявляется в том, что в азербайджанском предложении слово ноябрь идет в начале предложения, напротив, в русском предложении оно оказывается в конце предложения.

Определяемые при определениях придают предложению совершенно другую интонацию, если это сознательно сконструированный тип предложения, то мы имеем дело со стилизацией, если же это не стилизация, то в подобном строе обнаруживается особенность языка того времени. Во всяком случае, с точки зрения современного языка это архаика, которая может быть определена не только как синтаксическая, но и как синтаксико-стилистическая.

Русский перевод модернизован. Он полностью отвечает современным языковым требованиям. Возможно, это сделано для того, чтобы приблизить текст к художественным вкусам своих современных русских читателей. Однако переводчику следовало учесть, что в тексте большого писателя нет ни одной случайной детали. И здесь совершенно неслучайно Дж. Мамедкулизаде пишет: «*Noyabr ayının 12-si idi*», а не «*Noyabrın 12-si idi*». Переводчик сразу же, с первого предложения изменяет тон повествования. Он становится короче, лаконичнее и современнее. Далее он

продолжает в том же духе. Стиль писателя в увязке первого предложения с последующими. Так выглядят второе и третье предложения: «*Hava çox soyuq idi. Amma hələ qar əlaməti görsənmirdi*»(1). Второе и третье предложения строятся в таком же спокойном, размеренном тоне беседы с кем-то, в тоне обычного рассказа кому-то о чем-то. Это достигается определенными лексическими средствами. Например, словом *amma*. Только теперь понятно, почему в первом предложении было написано «двенадцатый день месяца ноябрь». Это создает впечатление зримости каждого из этих двенадцати дней, т.е. прошло уже целых 12 дней от месяца ноябрь, но, несмотря на это снега не было. Кроме того, 12-ый день семантически согласуется и с выражением «не виделось никаких признаков снега». С точки зрения логической между снегом и его признаками разницы большой нет. Но с точки зрения языка и стиля повествования существует большая разница. Все эти лексико-семантические средства создают особую эмотивность текста, такая тональность повествования соответствует обычному рассказу, близкому и понятному всем простым читателям великого писателя.

Если Дж. Мамедкулизаде остается верен своему стилю, заложенному уже в первом предложении, то и переводчик также остается верен своему стилю. Так, например, звучат второе и третье предложения в его переводе: «Холода уже наступили, но снег еще не выпал»(2). Здесь мы видим тот же короткий, телеграфный стиль, что наблюдался в переводе первого предложения. Для того чтобы сравнить тональность и стиль оригинала с переводом, приведем буквальный перевод оригинала. «Погода была очень холодной. Однако никаких признаков снега пока еще не было». Совершенно очевидна простонародность и задушевность оригинала и правильная холодность перевода. Перевод как бы безучастен к состоянию говорящего. Второе и третье предложения почти нераспространенные. Это строгое сообщение, лишенное эмоциональности. Оригинал пропитан сочувствием. Поэтому с точки зрения прагматики, конечно же, оригинал достигает значительно большего коммуникативного эффекта, чем перевод. Сообщение в оригинале более эффективно, так как более экспрессивно.

Рассмотрим следующее предложение с точки зрения УСК. В оригинале читаем: «*Həkim axırındı dəfə xanın naxoş övrətini yoluxub, cavab verdi ki, dəxi naxoşun əhvalı yaxşıdır; beləki, bir həftəyədək səfərə çıxmaq mümkün olar*» (1). С точки зрения современного азербайджанского языка в этом предложении четко выделяются архаизмы. Это такие слова, как *övrət*, *yoluxmaq*, *dəxi*. Разумеется, эти слова не находят отражения в переводе, что совершенно меняет структуру предложения.

Перевод выглядит совершенно «нормально» с точки зрения современного русского языка, но это как раз и плохо. Вместо того, чтобы как то архаизировать и стилизовать предложение, уподобляя его азербайджанскому оригиналу, переводчик нарочито модернизирует его и, более того, делает его книжным. Эта книжность оказывается совершенно излишней и противоречащей духу оригинала. Например, выражение осмотрев больную не просто отвечает нормам современного языка, а производит впечатление некоторого отчета по медицинской части. В то время как в оригинале и на этот раз повествование ведется в обычной манере разговорного языка, о чем свидетельствует и использованные лексико-семантические средства, и сам строй предложения. Не случайно здесь написано *xanın naxoş övrətini yoluxub*, где *yoluxub* ничего общего не имеет с русским словом осмотреть. Ясно, что если врач навещает больного, то для того чтобы осмотреть его. Другое дело, какие слова при этом используются. Глагол *navestirmə* является более живым и эмоциональным и в большей степени соответствует азербайджанскому оригиналу. Это слово старые азербайджанцы использовали и, не будучи врачами, когда речь шла о необходимости или желании навестить кого-либо. В переводе и другие слова с точки зрения стиля подобраны неудачно: «Последний раз, осмотрев больную жену Велихана, врач заявил, что здоровье ее окрепло и через неделю можно ехать» (2). Неудачно здесь и слово *zərrə*, которое также носит официальный характер, кроме того, оно меняет смысловую структуру текста. В оригинале *cavab verdi*, т.е. «ответил». Он не просто заявляет, что через неделю можно ехать, он отвечает на заданный вопрос. Суть в том, что ему задают вопрос о возможном сроке, потому что, как выясняется из следующих предложений, хан торопится в Иревань.

Неудачным также, на наш взгляд, является выражение “здоровье ее окрепло”. В оригинале написано «*əhvalı yaxşıdır*», следовало перевести: «состояние улучшилось». Это было и правильно стилистически и точно соответствовало бы оригиналу.

Следующее предложение в переводе также совершенно изменяет смысл предложения оригинала. Обратим внимание на семантическую структуру оригинала. Здесь написано: «*Xan çox tələsirdi İrəvana getməyə, çünki xanı orada çox vacib işlər gözləyirdi. Və birdə ki, qorxurdu qar yaa və hava dəxi də soyuqa və naxoş üçün yola çıxmaq qeyri-mümkün ola*»(1). Здесь совершенно ясно речь идет о том, что хан торопился в Эривань, так как у него были срочные дела. О больной речь идет постольку, поскольку он не может оставить ее одну и должен взять ее с собой.

В переводе: «Хан, у которого были срочные дела в Эривани, очень спешил. Кроме того, он боялся, как бы наступившие холода не задержали переезда больной» (2). В переводе акцент делается на переезде больной, а не на том, что надо ехать, а для больной, если выпадет снег и станет еще холоднее, будет сложно выехать.

Следующий абзац весьма характерен как с точки зрения использованных лексико-семантических средств и их комбинаторики, так и стилистических особенностей. В оригинале речь идет о письме к другу, которое автор называет не *məktub*, а *kağız*, что следовало, наверно, перевести как записка. Обратим внимание на УСК и стиль этого письма: «*Əzizim! Bir həftəyədək, ümidvaram, İrəvana gəlirəm, övrət-uşaq ilə. Artıq-artıq təvəqqe edirəm, buyurasan bizim otaqlara fərsəş salıb, əlbəttə-əlbəttə peçləri yandırınlar ki, otaqların havası təmizlənsin və isinsin, bəlkə naxoş üçün orada narahatçılıq üz*

verməsin. Bu kağızın cavabını mənə teleqraf vasitəsilə yetirəsən. Sən mənə dediyin işlərin hamısını yerbəyər eləmişəm. Xudahafiz! Sənin xeyirxahın Vəlixan»(1).

В переводе совершенно снимается архаика, что само по себе является большим недостатком, но, помимо этого переводчик и не пытается как-то подбирать эквиваленты УСК. В переводе это письмо звучит следующим образом: «Милый мой! Я собираюсь через неделю выехать с семьей в Эривань. Везу больную жену, поэтому очень и очень прошу тебя – загляни в мою квартиру, прикажи проветрить комнаты, разостлать ковры и протопить печи. Ответ сообщи по телеграфу. Все твои поручения я выполнил. До скорого свидания! Твой друг Велихан».

Велихан не говорит «я собираюсь», он говорит «надеюсь». Это «надеюсь» не случайно, а отражает смысл ситуации, он надеется, что через неделю состояние больной жены позволит им выехать. УСК *övrət-uşaq* также имеет в тексте стилистическую функцию. Особенно это понятно с точки зрения представлений о семье в восточном мире. Так что *övrət-uşaq* отражает и фоновую информацию. Нейтральное русское слово семья в коннотативном отношении не соответствует азербайджанскому УСК.

Также не соответствуют и другие УСК. Например, нейтральное и лишнее эмотивности очень даже будучи повторенным «очень и очень» все равно не передает этикетной учтивости и эмоциональности УСК «*Artıq-artıqtavəqqe edirəm*». Прощаясь, Велихан говорит: «*Xudahafiz!*», что переводится современным выражением «До скорого свидания». Очень интересна подпись: «*Sənin xeyirxahın Vəlixan*». Разумеется, «Твой друг Велихан» совершенно не подходит стилистически. Конечно, и буквальный перевод: «твой доброжелатель» по-русски звучит не совсем корректно в стилистическом плане. Но существует очень теплое и принятое в русской культуре выражение: «Любящий тебя». Кроме того, несмотря на эмотивность, подобное прощание носит и этикетный характер. В XIX и начале XX века письма близким людям часто так и заканчивались.

В следующем предложении переводчик вводит совершенно ненужное, стилистически неверное и, что самое главное, отсутствующее у Дж. Мамедкулизаде слово. Речь идет о Новрузали: «Новрузали частенько навещал хана, и не было случая, чтобы не привозил с собой каких-нибудь продуктов: муку, домашнюю лапшу, мед, масло»(2). Слово продукты здесь совершенно неуместно, оно стилистически неуместно, а семантически отражает психологию советского человека, который привык говорить о сельскохозяйственных продуктах, о наличии или отсутствии продуктов в магазине и т.д. Интересно и характерно, что в русской литературе XIX столетия, где описывается бесчисленное количество дворянских усадеб и ситуации, напоминающие рассматриваемую, встречаются очень часто, нигде не употребляется слово продукты. Характерно, что и в оригинале этого слова нет: «*Bu şəxs çox vaxt xanın yanına gəlir-gedər və hər gələndə də olmaz ki, undan, əriştədən baldan, yağdan gətirməsin*»(1). В оригинале мы и на этот раз видим теплое, выдержанное в разговорном стиле, эмоционально насыщенное предложение. С точки зрения функциональной отсутствие общего обозначения меда, масла, муки, соответствующего слову продукты, совершенно оправдано. Ясно, что перечисленные предметы являются продуктами.

С точки зрения УСК азербайджанского языка, создающих совершенно особый настрой текста, характерно следующее предложение: «*Qapını açıb bir yükü ulağı sürdü həyətdə “çoci-çoci” deyə-deyə və yükün arasından üç-dörd toyuq-cücəni çığırda-çığırda yerə qoyub, yükü açıb dolu çuvalları saldı yerə və xanın üzünə baxıb ikiqat əyilib salam verdi*» (1).

Совершенно очевидно, что выражения *deyə-deyə, üç-dörd, toyuq-cücə, çığırda-çığırda* создают особый коннотативный настрой предложения. Он выражается в обыденности языка, писатель как бы рассказывает историю своему близкому человеку, рассказывает расслабленно, не подбирая специально слов и выражений.

В переводе нет, даже, попыток передать этот настрой азербайджанского предложения: «Затем покрякивая: «Чош, чош!» – ввел во двор нагруженного ослика и стал снимать с него мешки и пищавших цыплят» (2). Разумеется, для смысла текста не важно, сколько было цыплят, три-четыре или больше. Смысл оригинала передается, но отсутствие УСК создает очевидный нейтральный и лишенный эмотивности текст. Поскольку эмоционально-экспрессивный настрой оригинала не передается, перевод и не может достичь прагматической цели, достигаемой оригиналом. Неверно и то, что Новрузали «низким поклоном приветствовал его». Новрузали низко кланяется хану, но приветствует его саламом. В оригинале: «*ikiqat əyilib salam verdi. Xan salamı alıb dedi*» (1). Салам – это ритуал, включающий определенные формулы этикета. Это не просто приветствие. Здесь мы имеем дело с фоновой информацией, которая отсутствует в переводе, но отсутствие, которой на первый взгляд не наносит ощутимого вреда. На самом же деле в коннотативном отношении предложение теряет очень много. В переводе: «низким поклоном приветствовал его». Отсюда следует, что приветствием был сам поклон, что совершенно искажает смысл конситуации. Перевод вдвойне ущербен потому, что смысл предложения ясен, как будто все на своем месте, но эта кажущаяся нормальность сводит на нет все значение культурного контекста.

Далее также в оригинале используются характерные для азербайджанской культуры слова и выражения: «*A kişi Novruzalı! Bu nə zəhmətdir, çəkmisən?*». Ясно, что обращение «*A kişi*» несет в себе национально-культурную специфику языка, такое обращение невозможно адекватно передать в переводе. Но переводчик просто опускает его, не делая даже попытки подобрать субститут.

УСК является и, казалось бы, обычное эмотивное выражение *bu nə sözdü*. Нельзя смешивать в коннотативном отношении это УСК с нейтральным русским выражением типа, о чем речь, что ты говоришь, что за слова, хотя и они ситуативно могут быть выразителями экспрессии. Азербайджанский УСК выражает очень большой диапазон значений от гнева до своеобразного кокетства. Причем очень важно то обстоятельство, что в речевой ситуации

выражаемое им значение диффузно представляет все эти оттенки. Иногда довольно сложно понять, что конкретно означает это *bunəsözdü*. В оригинале, помимо *salam vermək* и *salam almaq*, носящих, как было сказано выше, ритуальный, этикетный характер, также этикетный характер носят и сказанные ханом «*Bu nə zəhmətdi, çəkmisən?*» и ответ Новрузали «*Bu nə sözdü?*». Оба эти выражения являются УСК и представляют собой формулу этикета. Например, в азербайджанском речевом этикете принято говорить *nə zəhmət çəkmisən* или просто *zəhmət çəkmisən* в ситуации, где адресат вовсе ничего особенного не сделал. Это формула этикета. Ответ Новрузали также является формулой этикета. Он мог бы использовать и другую формулу этикетной реакции, например, *borcumdu*. Как совершенно справедливо отмечается в книге К.Э.Гаджиевой «Речевой этикет русских и азербайджанцев»: «В формулах приветствия проявляется контактоустанавливающая функция речевого этикета, с приветствия начинается общение. В приветствиях ярко выражается эмотивная функция речевого этикета» (5, 7).

Вторая часть обращения Новрузали также носит характер этикета. Он объясняет смысл реакции в виде «*Bunəsözdü?*» словами «*Mən ölənə qədər sənə qulam*». Здесь присутствует еще одна деталь, на которую следует обратить внимание. Разумеется, только слова хана являются подлинными формулами этикета. В принципе же ему все равно, потрудился для него Новрузали или нет. Об этом свидетельствует и то, что чуть позже, когда крестьянин просит у него позволения дать курам зерен, накормить осла, хан его грубо обрывает: «*Daha uzun danışma. Qaç kağızı sal: vaxt keçir*» (1). С его стороны формулы этикета употребляются действительно формально. Совсем другое дело речь Новрузали. Он также употребляет принятые в азербайджанском языке формулы речевого этикета, но в его речи актуализируется внутренняя форма этих формул. Он действительно считает, что хан не должен так говорить, и он свято верит в то, что до конца своих дней должен быть рабом хану.

В переводе и на этот раз стиль совершенно модернизируется, не говоря уже о том, что не делается попыток как-то передать содержание формул этикета. Переводчик пишет: «Послушай, Новрузали, ну зачем ты беспокоился? – сказал хан, отвечая на приветствие. – Что ты, хан! Какое же это беспокойство? Я твой слуга до самой смерти, – ответил тот, стряхивая с себя пыль» (2).

Следует также отметить, что есть существенная разница в этом контексте между словами *слуга* и *раб* (гул). Речь идет не о том, что Новрузали готов служить хану до смерти, это им само собой подразумевается. Речь идет о том, что Новрузали на самом деле считает себя человеком, принадлежащим хану, его принадлежностью.

УСК *kətdi adam* является носителем сниженной коннотации вне контекста. Переводчик передает его словом мужик, которое не является сниженным, даже несмотря на то, что этому способствует дистрибуция в виде слов «откуда мне»: «Откуда мне, мужику, знать про пошт, хан?» (2). *Kətdiadam* в азербайджанском языке является символом грубости, невежества, хамства. Русское мужик даже в этом контексте означает только «простой», т.е. откуда мне простому человеку знать, где находится такое важное учреждение, как почта. В азербайджанском языке это больше означает «откуда мне дураку знать, где эта почта и вообще, что это такое».

Переводчик УСК *çox əsəb* передает совсем в ином тоне. Так, азербайджанское УСК означает активный поиск, он передает напряженность размышлений. В переводе выражается сомнение, надежда и смутное разочарование: «Ну, тогда, может, знаешь, где помещается управление начальника?». Обратим внимание на активность речи в оригинале, адресант пытается заставить его вспомнить, говорит, что не может быть, чтобы он этого не знал, хотя на самом деле у него этой уверенности нет: «*Çox əsəb, nəçərnək divanxanasını ki, tanıyırsan?*» (1). Налицо разница в экспрессии: уверенное: *onu bilmirsən, bunu ki, bilirsən!* и робкое «тогда, может, знаешь, где управление начальника?».

Характерно, что УСК *çox əsəb* вбирает в себя семантику и тональность следующей фразы, ее наступательный характер. В оригинале Новрузали в ответ на это также использует речь, насыщенную УСК, отражающими контекст культуры.

Он говорит: «*Bəli, xan, başına dönüm, tanıyıram, niyə tanıyıram*» (1). УСК *başına dönüm* вообще игнорируется переводчиком, как будто его и нет в оригинале. Переводчик пишет: «Знаю, хан, как не знать» (2). Интересно, что наличие и отсутствие УСК с указанным значением совершенно изменяет стиль и значение предложения. В оригинале выражается любовь, ласка, желание успокоить, создать уверенность в способности выполнить поручение. В переводе объективно выражена лишь обида и, возможно, некоторый смешной гонор. Объективно предложение «Знаю, как не знать», пусть на имплицитном уровне, но выражает именно это значение. Другое дело, что мы знакомы с конситуацией, которая дает нам возможность представить более или менее правильную картину. Нам это было бы значительно труднее сделать без знания конситуации, в целом без знания оригинала и фоновой информации. Таким образом, как мы и видим, в переводе на русский язык полностью трансформируется динамика текста, смещается стилистическая акцентуализация. Конечно, нам могут возразить, что в переводе на любой иностранный язык азербайджанская стилистическая акцентуализация будет трансформироваться. Это действительно так. Но мастерство переводчика заключается именно в том, чтобы сохранить динамику текста и стилистическую направленность. Разумеется, невозможно передать на русском языке ни стилистику азербайджанского «*bala, getsəndə...*», ни конситуацию, характерное движение головой и рукой с семантикой отсылания. Никто это и не требует. Понятно без слов, что в этом непередаваемом и заключается национально-культурная специфика оригинала. Задача переводчика заключается в верной передаче тональности, попытке не извратить представление о конситуации, а хотя бы создать приблизительное представление о ней.

ЛИТЕРАТУРА

1. С.Мəmmədquluzadə. Seçilmiş əsərləri. Bakı, 1987.

2. Дж. Мамедкулизаде. Рассказы. Фельетоны. Повести. Пьесы. Баку, 1989.
3. Новрузов Р.М. Художественный перевод и проблема взаимодействия, взаимообогащения литератур. Баку: Элм, 1990.
4. Мамедли А.М. Понятие устойчивости и фразеологизм как единица вторичной номинации. // Русский язык и литература в Азербайджане, 1998, №2, с.12-18.
5. Гаджиева К.Э. Речевой этикет русских и азербайджанцев (опыт словаря-справочника). Баку: Мутарджим, 1999, 68 с.

Ключевые слова: перевод, адекватность, теория, практика, эмпирика, рациональность

Açar sözlər: tərcümə, uyğunluq, nəzəriyyə, təcrübə, rəşional

Key words: translation, adequacy, theory, practice, rationality

AZƏRBAYCAN KLASSİKASI RUS TƏRCÜMƏLƏRİNDƏ XÜLASƏ

Məqalə bədii tərcümə nümunələrinin təhlilinə həsr olunub. Məqalədə tərcüməşünaslıq diskursunun ən vacib məsələləri ön plana çəkilir və müzakirə olunur. Qeyd olunur ki, müasir tərcüməşünaslıqda tərcümənin orijinala tam uyğun olması heç şübhə altına qoyulmur. Məqalədə Azərbaycan yazıçısı C.Məmmədquluzadənin hekayələrinin rus dilinə tərcümə mətnləri ətraflı təhlil olunur.

AZERBAIJAN CLASSIC IN RUSSIAN LANGUAGE SUMMARY

The problem of transferring Azerbaijani classical literature in Russian translations remains a serious problem. The language of the great Azerbaijani writer Jalil Mammadguluzadeh is an amazing example of the feature we noted above. J.Mammadguluzade's works have been translated into Russian a lot. In this article, we will analyze the translation of the story by Aziz Sharif. In translation into Russian, the dynamics of the text is completely transformed, stylistic accentualization is shifted.

RƏYÇİ: dos. S.Abbasova

Dil və Ədəbiyyat: Beynəlxalq elmi-nəzəri jurnal №3(117).- S.157-162.